

Читайте романы новой звезды
криминальной мелодрамы
Марины Крамер!

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»
Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Шука»
Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы

Сериал «Кодекс жены самурая»
Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая

Последнее японское предупреждение

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»
Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все

Сериал «Танго под прицелом»
Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

МАРИНА КРАМЕР

Карающая богиня,
или Выстрел в горячее сердце

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления *С. Груздева*

Крамер, Марина.

К77 Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце:
[роман] / Марина Крамер. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 352 с. — (Королева преступных страстей.
Криминальная мелодрама М. Крамер).

ISBN 978-5-699-84594-1

Похоронив любовь всей жизни — мужа Егора Малышева, глава криминальной группировки Марина Коваль отошла от дел. Бизнес и мафиозные разборки порой разрывают на части. Да и подполковник Александр Ромашин, расследующий заказное убийство мужа, не оставляет в покое: он просто в шоке от красоты и сексуальности Марины. Неожиданно Ромашин завоевывает сердце неприступной гордячки. Смотрящий города Гриша Бес в бешенстве: его первая помощница связалась с ментом! Не бывать этому никогда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84594-1

© Крамер М., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Любовь — бесконечная дорога,
по которой двое идут навстречу
друг другу. Но случается так, что по
этой дороге идет лишь один. И если
он любит, ему предстоит пройти
всю бесконечность этого пути. Он
идет за двоих.

Анхель де Куатье

Часть I МЕНТ

Глава 1

ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

У любви нет глаз.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

...Ни бодрствую, ни сплю, —
и так проходит ночь...
настанет же рассвет —
весенний долгий дождь
и думы о тебе...

Эти навязчивые строки постоянно отдаются в мозгу, мешая жить, изнуряя, заставляя снова и снова возвращаться в тот день, заново переживать случившееся. Два месяца прошло, а все не отпускает никак, не становится легче, не забывается. И так тянет туда, на кладбище, где под черной плитой лежит тот, ради кого была вся жизнь...

— Даша, что ты там делаешь? — Марина вошла в каминную и с удивлением обнаружила, что домработница выставила из бара все бутылки и теперь пытается расположить их в каком-то только ей ведомом порядке.

Отбросив со лба светлую кудряшку, круглолицая, улыбчивая Даша повернулась к хозяйке:

— Убрать тут решила, Марина Викторовна, столько бутылок скопилось — ужас!

— Радоваться должна, что их много и все полные, — буркнула Коваль, беря со столика пачку сигарет и отправляясь в спальню, на балкон.

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Она совсем прекратила прикасаться к спиртному — боялась, что затынет, и тогда точно не выкарабкается. Именно поэтому в баре скопилось столько разнообразных бутылок с напитками. Марина дала себе слово не упасть до той черты, после которой начинается *ничто*, и держалась, хотя порой ей хотелось махнуть рукой на все и заглушить разрывающую сердце боль с помощью испытанного средства — бутылки текилы.

В такие моменты она запирала бар на ключ и отдавала его домработнице, под угрозой увольнения запрещая Даше возвращать его. Привычная ко всему Дарья не удивлялась — знала, как легко молодая хозяйка срывается и выключает себя из жизни на неопределенный срок. Сейчас, когда после гибели Егора Сергеевича прошло два месяца, Даша уже меньше переживала, наблюдая за тем, как Марина старается держать себя в руках. Да и Хохол не давал ей слишком уж задумываться и погружаться в свое горе. И было еще кое-что...

Апрель никогда раньше не казался таким монотонным и тягостным. Завтра с Кипра возвращается футбольная команда, а Марине до этого не было никакого дела, даже неинтересно, как они там сыграли, с кем...Ничего не хотелось, все надоело...

Телефон звонит, а трубку снять лень, все равно это кто-то неважный и ненужный. Но упертый зато — трезвонит и трезвонит!

— Да!

— Здравствуй, Марина...

«Черт тебя побери — опять надоедливый мент, достал уже! Как только ухитряется так быстро добывать постоянно меняющийся номер мобильного — непонятно! Пользуется служебным положением, что ли?»

— Чего тебе опять, Ромашин? — устало ответила Коваль, заранее зная чего — сейчас встречу назначать будет, заколебал!

МАРИНА КРАМЕР

— Ты будешь сегодня в городе?

— А может, я уже там?

— Я стою напротив твоего офиса, и тебя здесь точно нет.
Так что?

— Слушай, самому-то не надоело еще? Как мне от тебя от- делаться, скажи? Каким волшебным словом? Тем, что на три буквы? — Она закурила сигарету и закинула ногу на перила балкона.

— Зачем ты так? — немного обиделся подполковник. — Я соскучился.

— Вот бы мне твои проблемы, а? — позавидовала Марина, покачиваясь в кресле. — Мне совсем скучать некогда.

— Так я увижу тебя сегодня? — настаивал он, и она усмех- нулась:

— А ты телевизор включи вечером — там обязательно что- то обо мне будет! Ведь знаешь, что от меня журналисты уже третий месяц не отлипают, как и ты, впрочем.

Со дня гибели мужа ей просто прохода не давали, осо- бенно когда вскрылось, что никакой это не московский строитель Грищенко погиб от выстрела в висок, а сам Егор Сергеевич Малышев, считавшийся давно погибшим. «Вос- становлена справедливость!» — так об этом сказал один борзый журналист в «Криминале»... Правда, через два дня он почему-то закрылся в своем гараже и угорел в машине, надышавшись выхлопными газами... непонятно, что ж он так неосторожно...

— Марина, ты сама-то не устала корчить из себя неизвест- ного кого? — поинтересовался тем временем Ромашин. — Ведь я знаю, что ты совсем не такая...

— Да, я знаю, что я, в принципе, ангел... наверно, — усмех- нувшись, проговорила она. — Только вот крылья мне как-то один человек вырвал с кровью и макнул меня потом в чан с дерьмом, чтоб не сильно гордилась. Так что теперь я именно то, чем выгляжу.

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

— Неправда. Тебе просто нравится думать о себе в подобном свете, вот ты и думаешь, и других еще заставляешь.

— Так не думай обо мне — в чем проблема-то?

— Легко тебе говорить, — вздохнул он. — Приезжай ко мне...

— Куда?! — поразилась Коваль такой наглости. — В управу, что ли? Это еще зачем?

— Зачем... затем, что я хочу увидеть тебя.

— Ты точно больной, Ромашин! Как медкомиссию-то обошел, скажи? В ментовку психов не берут.

— Мне исключение сделали...

— Повезло, — Марина выбросила окурок, перекинула ногу на ногу, устраиваясь удобнее. — У тебя все?

— Ты не ответила.

— А была должна?

— Марина, я ведь не мальчик, а ты заставляешь меня валяться в ногах, вымаливая возможность увидеть тебя, — тихо и грустно проговорил Ромашин.

— Саша, ты волен делать все, что хочешь. Я не принуждаю тебя ни к чему — ты сам хочешь этого. Давай прекратим бесполезный разговор, — попросила она. — Счастливого тебе, — и положила трубку, отключив телефон.

Бедолага Ромашин потерял голову в тот самый момент, когда увидел ее впервые, в тот самый день, когда погиб ее муж. Подполковник места себе не находил и был рад тому обстоятельству, что лично контролирует дело, это давало ему возможность видеть поразившую его женщину. Разумеется, Ромашин отдавал себе отчет в том, кто она и чем занимается, как и понимал то, что вряд ли она станет общаться с ним по поводам, не имеющим отношения к расследованию гибели ее мужа. Но образ Марины преследовал подполковника, заставлял постоянно вспоминать ее, сидевшую в кресле посре-

МАРИНА КРАМЕР

ди огромного зала казино, ее бескровное лицо, на котором ярко и непристойно выделялись накрашенные алой помадой губы. Кто угодно выглядел бы вульгарно в таком виде, но не она — ей удивительно шло все это, и траурные одежды, и вызывающе-кровавые губы.

Ромашин был поражен тем, насколько хорошо она владела собой — только что лежала на крыльце, рыдая и не видя никого вокруг, и вот буквально через десять минут сидит собранная и почти спокойно отвечает на вопросы, только курит много. Он не мог заставить себя не смотреть на нее, и тогда она, подняв покрасневшие глаза, сказала ему что-то — он даже не понял, что именно, но взгляд отвел.

Через неделю после похорон Грищенко-Мальшева подполковник приехал в «Парадиз». Его долго не впускала охрана, которая никак не могла в толк взять, что хочет от хозяйки переодетый в штатское начальник городской милиции. Да он и сам не мог внятно это объяснить, но потом нашелся:

— У меня есть одна вещь, принадлежащая госпоже Коваль, я должен вернуть ее, — и Кот впустил его.

Марина сначала не могла понять, кто это вообще такой, она и видела-то его полтора раза за все время, и фамилия его ей ни о чем не говорила. Только когда он вошел в кабинет, где Коваль сидела с чашкой чая, забросив по привычке на стол ноги, до нее и дошло, кто это.

— Чем обязана, господин подполковник? — холодно заинтересовалась Марина.

— Я приехал, чтобы вернуть вам это... — смущенно пробормотал он, теряясь под пристальным взглядом, и протянул ей раскрытую ладонь, на которой лежала подвеска, тот самый черный бриллиант, что спас жизнь Коваль и отнял ее у Егора. — Я подумал, что вам дорога эта вещь...

В синих глазах плеснул ужас, Марина даже отшатнулась от протянутой в ее сторону руки, но потом сумела прийти в себя.

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

— Мне это не нужно! — отрезала она, хватая сигарету. — Можете оставить себе. Если это — все, то можете быть свободны.

— Простите... я не хотел ... — еще сильнее смутился подполковник, покраснев, как пацан.

Марине вдруг стало стыдно — чем перед ней виноват этот приятный на вид человек: тем, что решил вернуть безделушку, не подозревая, как ей больно ее видеть?

— Хотите кофе, господин подполковник? — произнесла она, стараясь сгладить свою резкость, и увидела в его глазах промелькнувшую радость.

— Если можно...

— Даша! — заорала Марина, и Ромашин вздрогнул от неожиданности. — Кофе свари, пожалуйста! Присаживайтесь, — указала рукой на кресло напротив.

Он осторожно опустил в кресло, не сводя с нее глаз.

— Что-то не так? — спросила она, устав от этого взгляда.

— Что? Нет-нет, просто... Сколько вам лет, Марина Викторовна? — вдруг спросил он и испугался собственной смелости. — Простите. Можете не отвечать — я ляпнул глупость...

— Тридцать четыре, — спокойно ответила она. — Я никогда не скрываю свой возраст.

— Совсем молодая...

— Для чего?

— Для всего, что вам пришлось пережить.

— Я привыкла.

Даша принесла кофе на подносике, поставила перед подполковником, забрала у хозяйки пустую чашку.

— Что-нибудь еще, Марина Викторовна?

— Нет, спасибо, Даша, можешь идти.

Воцарилось молчание. Коваль курила, Ромашин пил кофе, исподтишка разглядывая ее. Марина тоже изучала гостя.

«Видный мужичок, надо признать, жалко только, что блондин и мент. Но наружность вполне приятная и располагающая. Женат, вон кольцо на пальце, и дети есть, наверное».

МАРИНА КРАМЕР

— У вас есть дети, господин подполковник? — спросила Коваль, и он ответил честно:

— Есть, два сына, но они уже взрослые. Можно мне называть вас по имени?

— Пожалуйста, — пожала она плечами.

— И вы тоже зовите меня по имени, хорошо? Меня зовут Александром.

Внезапно он встал и, подойдя к ней вплотную, взял руку и поднес к губам:

— Простите... Марина, я не должен делать этого, вам сейчас не до того, но нет сил удержаться — я голову потерял с тех пор, как увидел вас в казино...

— Идите вон, господин Ромашин! — негромко, но очень зло и отчетливо произнесла Коваль.

Он пошел к двери и обернулся на пороге:

— Простите...

Когда он ушел, на Марину вдруг напал приступ истерического хохота, и она покатывалась до тех пор, пока не пришел Женька, телохранитель недремлющий:

— Что с тобой?

— Ты не поверишь — у меня сейчас был начальник ГУВД, на колени падал! — она снова скорчилась от приступа смеха. — Я не могу — почему мужики такие уроды и придурки? Что вам всем вокруг меня — медом, что ли, намазано?

— Погоди... — перебил Хохол. — Он к тебе приставал, что ли?

— Не хватало еще! Я — и с ментом?! Западло, Женька!

Если бы кто-то сказал ей, что ровно через два месяца она окажется в постели с этим самым ментом, пришла бы в ярость...

Боль — она черного цвета, обволакивающая и ласкающая. Коваль осознала это на кладбище, приехав на сорок дней к мужу. И мрамор памятника не казался ей больше холодным, и место это не вызывало отрицательных эмоций, скорее —

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

наоборот. Марина прижималась лицом к плите, чувствуя, как она теплеет от этого, как будто Егор отвечает жене. И традиционные белые розы не казались больше чем-то печальным — просто цветы, которые так любил муж... Наверное, все ее эмоции выплеснулись в тот раз, когда Егор инсценировал свою гибель, Коваль пережила шок тогда, два года назад, а сейчас приняла все как очередной удар судьбы.

Хохол был единственным, кого утомляли эти поездки на кладбище, — он не мог простить Малышу того, что он отнял Марину и теперь она не подпускает его к себе. И вообще обходится без мужиков, что для нее равносильно подвигу. И с так идиотски забеременевшей Веткой никаких отношений она тоже не поддерживала, игнорируя ее. Да и сама ведьма со дня похорон Егора не звонила и не приезжала, жила у себя, а Маринин племянник Колька регулярно навещался к ней и сообщал тетке последние новости. Как ни странно, он был не в курсе Веткиной беременности, хотя не исключено, что мог быть ее причиной. Почему та не говорила — Коваль не понимала.

Сегодня, после посещения кладбища, Марина вдруг решила навестить подругу, но когда сказала об этом Хохлу, тот взвился:

— Опять началось?!

— Тебя это не касается, — совершенно спокойно ответила Коваль, вставая с лавки и собираясь уходить. — Отойдите все, дайте с мужем попрощаться.

Охрана отошла метров на десять и встала спиной к хозяйке, а та снова прижалась лицом к черной мраморной плите и прошептала:

— Пока, Малыш... я скоро приеду опять, ты меня жди, хо-рошо? И помни — я люблю тебя, родной...

Отряхнув перчатку от рыхлого снега, который здесь еще лежал, Марина вышла из оградки и пошла к машине. Усевшись